

*Сальников Е. В.,
начальник кафедры социально-философских дисциплин
Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова,
доктор философских наук, доцент*

**Феномен самопровозглашения и его субъекты: экстремисты,
мятежники, революционеры, демократы или граждане?**

Проблема самопровозглашенных республик относится к числу наиболее актуальных проблем современной политологии, политической философии, теории и практики международных отношений. При этом о самопровозглашении можно говорить исключительно в контексте возникновения и развития государства как уникального феномена организации политической жизни. Появление государства знаменуется целым рядом самопровозглашений, в рамках которых возникает первый бинарный субъект самопровозглашения: мятежник – революционер (патриот). С развитием системы международных отношений декларативная теория государственности уступает место конститутивной, что знаменуется новым бинарным субъектом: гражданин (демократ) – экстремист. В начале XXI века разрушается система международных отношений. В этих условиях вопрос самопровозглашения начинает трансформироваться, что отражается в появлении нового бинарного субъекта: добровольцы – *foreign fighters*.

Ключевые слова: самопровозглашенные республики, государство, власть, мятежники, граждане, экстремисты, добровольцы, революционеры, патриоты.

*Salnikov E. V.
chief of chair of social-philosophical disciplines
at the Orel Law Institute of the Ministerium of Interior,
doctor of sciences (philosophy), associate professor*

**The phenomenon of self-Declaration and its agents: extremists, rebels,
revolutionaries, democrats or citizens?**

The problem of the self-declared republics is among the most urgent problems of modern political science, political philosophy, theory and practice of international relations. At the same time about the self-declaration we can speak only in the context of the emergence and development of the state as a unique, phenomenon of organization of political life. The emergence of the state is marked by a number of self-declared republics in which occurs the first binary subject of self-declaration by the rebel revolutionary (patriot). With the development of the system of international relations the declarative theory of statehood gives way to constitutives one that is marked by a new binary subject: citizen (democrat) –

extremist. At the beginning of the XXI century the system of international relations is destroying. In these circumstances, the question of self-declaration begins to transform, which is reflected in the emergence of a new binary subject of volunteers – foreign fighters.

Keywords: self-declared republics, state, government, rebels, citizens, extremists, volunteers, revolutionaries, patriots.

На первый взгляд, самопровозглашение кажется феноменом, сопутствующим социально-политической жизни человеческих обществ с древнейших времен. В этом случае мы указываем на сущностный корень данного явления, сводимый к утверждению независимости и манифестации собственного права населения на политическое самоопределение. В конечном итоге предельным основанием здесь выступает свобода, что позволяет мыслителям как древности, так и современного мира сводить вопрос самопровозглашения к человеческой природе и фундаментальным характеристикам существования личности. Подобный подход образует магистральное видение феномена самопровозглашения, которое становится воплощением общей воли политического сообщества, по необходимости являющейся, как демонстрировали Ж.-Ж. Руссо и Г. Гегель, еще и волей разумной.

В этой простой и предельно ясной парадигме удивительной оказывается проблема самопровозглашенных государств, которая все острее и острее встает перед современным мировым сообществом. Если самопровозглашение есть манифестация универсальной свободы в акте общей воли, то как может не состояться признание этой свободной воли? Признаем, что попрание свободы общей воли членов политического сообщества чужой волей не может быть ничем иным, кроме как политическим произволом и диктатом, что не столько ослабляет, сколько усиливает тенденцию к самопровозглашению. Деспотизм внешнего насилия не способен повлиять на устойчивость тенденций свободы, оставаясь в рамках исключительно экстенсивного ей противостояния. Следовательно, противостояние самопровозглашению может быть состоятельным только в том случае, когда подрываются сами основы манифестации свободы, а именно ставится вопрос о субъекте самопровозглашения. Иначе говоря, в зависимости от того, кто является субъектом самоопределения, мы и можем говорить о наличии или отсутствии в данном случае манифестации свободы в акте общей воли.

К числу исходных в историко-политическом плане субъектов самоопределения без сомнения можно отнести термин «*rebellorum*», который мы встречаем в большинстве римских хроник, повествующих о случаях мятежа, связанных с отпадением провинций или регионов, что в славянской традиции соответствовало термину «мятежник». Описывая крупное восстание в Суздальской земле в 1024 году, «Повесть временных лет» говорит о том, что был «мятеж велик» [9, с.99].

При этом подчеркнем, что время активного использования термина приходится на тот длительный период, когда мы наблюдаем такие формы политического устройства общества, как республика, полисное устройство, монархии, империи, деспотии и сатрапии, но не государства. Здесь государство понимается в строго определенном смысле как понятие, используемое для обозначения уникального варианта социально-политической организации общественной жизни. Мы солидарны с трактовкой видного представителя политической философии К. Шмитта, который полагал, что «государство (Staat) – есть в высшей степени единичное, конкретное, обусловленное временем явление, которое следует датировать эпохой с XVI по XX столетие христианского эона и которое вышло из этих четырех веков, из Ренессанса, Гуманизма, Реформации и Контрреформации» [15, с.19].

Как подчеркивает Ю.С. Пивоваров, это было формирование абсолютно нового «типа власти, который характерен для Западной Европы, начиная с XVI-XVII столетий (а затем – и для “дочерних предприятий” фаустовской цивилизации по всему свету). А “state” есть понятие, с помощью которого описывается этот (и никакой другой) тип власти» [8, с.9], не сводимый к иным, бывшим до него формам организации политической жизни, таким как, например, polis, res publica, regnum, imperium.

Поэтому, когда мы здесь говорим о феномене самопровозглашения, мы говорим о самопровозглашении в ситуации, когда политика не самостоятельна и не самодостаточна. Следовательно, власть и ее основания проистекают не из нее самой, но из иного источника, скажем, религиозного или традиционного, а, следовательно, самопровозглашение здесь и задается, и исчерпывается бинарной логикой: власть – мятежники («rebellorum»). Их мятежность есть утверждение инаковости, но в силу ино-оснований власти в политике эта инаковость также стремится к внеполитической фиксации себя. Ярким примером, подтверждающим это положение, выступают Гуситские войны от Пражской дефенестрации 1419 года до окончания активной фазы противостояния в 1436 году, что никак не было связано с утверждением чистой политической субъектности. В отличие от, скажем, второй Пражской дефенестрации, итогом которой в широком смысле стал Вестфальский мир.

В чистом виде вопрос о феномене самопровозглашения мог быть поставлен только в условиях суверенной политической власти, монопольно реализующей легитимное насилие для построения социального единства. В теоретическом плане философские построения Н. Макиавелли, а в плане практической политики Вестфальский мир 1648 года устанавливает совершенно иные конститутивные принципы построения социального пространства, где верховной оказывается политическая власть.

Теперь политики было достаточно для самопровозглашения, что сразу же отражается и в субъекте этого самопровозглашения. Подтверждением этого выступает факт появления нового субъекта самопровозглашения – революционера, равнозначного (hic!) патриоту, что знаменовало собой Бостонское чаепитие 1773 года.

Обратим внимание на разницу английской (1640 г.), Славной (1688 г.) и французской (1789 г.) революций, не связанных с самопровозглашением, и Американской революции 1775-1783 годов. **Во Франции герцог Лианкур уже 14 июля 1789 года на восклицание короля после известий об измене французской гвардии, об осаде и взятии Бастилии;** при этих известиях, которые советники скрыли от него, удивленный монарх воскликнул: «Да ведь это бунт», отвечает: «Нет, Ваше Величество, это не бунт, а революция». Здесь наименование субъекта задается процессом – революцией [5].

В самопровозглашенном американском государстве не события его образования именуется революцией, а субъекты самопровозглашения из простых мятежников (rebels) становятся революционерами и патриотами. Мятежник сам по себе в чистом виде эпохи до новоевропейского государства не является субъектом самопровозглашения. Он становится им лишь в государстве, приобретая бинарность. Мятежниками они являются для правительства Британии, а патриот и революционер были в то время синонимами для самонаименования субъектов самопровозглашенного государства.

Любовь советской историографии к термину «революция» и «революционер» не должна здесь затемнять предмет нашего исследования. Терминологически не субъект процесса самопровозглашения получает здесь наименование, но сам процесс самопровозглашения терминологически обращается в революцию под влиянием того, что его субъекты уже не являются мятежниками. Они революционеры и патриоты, что в ту пору выступало синонимом и в своем значении применительно к североамериканским колонистам указывало на их противостояние английскому парламенту и власти британской короны.

Здесь может показаться, что наше исследование есть «спор о словах, не имеющий отношения к сути вещей» и потому не представляющий научной значимости. Напротив. В вопросе терминов гуманитарное знание вообще, а социально-политическое в частности демонстрирует характерную особенность, заключающуюся в том, что, как точно замечает Х. Арндт: «каждое новое явление нуждается в новом определении, в новом слове для его обозначения – независимо от того, создается ли это слово специально, чтобы обозначить новый опыт, или же для определения совершенно нового смысла используется некий старый термин. Сказанное вдвойне справедливо в сфере политики, где речь занимает наипервейшее место» [1, с.41].

Таким образом, возникновение новоевропейского государства (state) привело к тому, что мятежник уступает новому субъекту самопровозглашения – революционеру/патриоту. Этот процесс является выражением нового подхода к вопросу о государственности – декларативной государственности. Согласно классическим канонам декларативной теории государственности, существование государства не зависит от его международного признания [6, с.166]. Государство – это постоянное население, определенная территория и собственное правительство. События конца 18 века в Северной Америки являлись по своей сущности

воплощением декларативной теории государственности, когда утверждение наличия государства явилось самодостаточным и не требовало иного признания. Правда, при этом бинарная логика субъекта самопровозглашения – власть/мятежники – не могла остаться прежней, что и воплотилось в появлении нового политического субъекта, получившего контекстуальное наименование революционер, патриот. В условиях декларативности нам не важно, что вы думаете о нас, что для иных мы мятежники. Мы самоименуемся революционерами/патриотами, и этого нам достаточно.

Достаточно быстро как на американском, так и на европейском континенте государственность как результат декларативности замещается конститутивной теорией государственности. В этом случае помимо территории, населения и самоуправления требуется еще и признание в системе международных отношений. При этом третьи лица – сторонние для противостояния «власть – мятежники» – оказываются в очень сложной ситуации. Поддерживая мятежников, они задают возможность раскола в собственном государстве, отказывая в поддержке восставшим, они делают проблематичными собственные основания, собственную исходную декларативность. В этой ситуации естественным образом возникают попытки выработать некие критерии, в соответствии с которыми то или иное волеизъявление признается свободным и достаточным для обоснования государственности. Как следствие, возникают и новые субъекты самопровозглашения. Таковыми оказываются уже экстремисты (аналог – ультраисты) и подлинные граждане – борцы за демократию (демократы).

Примечательно в историческом отношении то обстоятельство, что одно из первых терминологических употреблений термина «экстремизм» мы наблюдаем в ходе Гражданской войны в США между Севером и Югом. Впервые, пожалуй, ее употребил в своей речи в 1850 г. Д. Вебстер [16, с.53], связывая экстремизм с насилием. Использование категории «экстремизм» Г. Вилсоном в его книге «История взлета и падения рабовладельческой власти в Америке» [17] позволяет трактовать отрицание компромиссов как политическую характеристику, отождествляемую с экстремистами. Категорию экстремизма встречаем мы у Джеймса Блейна [13] и Джозии Гринелла [14]. В общем смысле эта категория используется как общее обозначение для части южан – представителей крайней формы оппозиционных политических сил. При этом относилась она преимущественно к наиболее стойким, фанатичным приверженцам рабовладельческих идей.

Оставляя в стороне интересные содержательные особенности группы, маркируемой термином экстремизм, мы в рамках темы настоящего исследования должны обратить внимание на то, что, во-первых, воля части граждан исключается из общего конститутивного основания и исключает возможность самопровозглашения. Во-вторых, к числу конституирующих для определения границ этой группы факторов относятся оценочные характеристики в силу неопределенности того, что значит крайность (как очень верно заметил А.В. Коровиков, «абсолютно неясно, где у взглядов

можно найти края и как их опознать» [4, с.7]) в рамках политической борьбы, которая по необходимости насильственна, а смысл существования власти в новоевропейском государстве сводится к установлению суверенного права на осуществление насилия.

В противоположность экстремистам те субъекты, которые удовлетворяли предъявляемым требованиям, объявлялись настоящими субъектами самопровозглашения, чья воля могла и должна была учитываться. Эта была воля свободных людей, подлинная общая разумная воля, утверждающая свободу. При этом заметим, что в ситуации неопределенности концепта демократии, его критериев, различия моделей демократии критерий для признания субъекта борцом за демократию оказывался столь же оценочным, как и критерий отнесенности к экстремизму.

Эту логику существования двух бинарных субъектов самопровозглашения – мятежники (повстанцы)/революционеры (патриоты) и экстремисты (ультаристы)/граждане (борцы за демократию) – мы наблюдаем на протяжении двух третей XX века, когда вопрос о самопровозглашении являл собой выражение борьбы колоний за свое освобождение от власти метрополии. Субъекты самопровозглашения в бывшей колонии именовали себя революционерами, метрополия объявляла их мятежниками, а с позиции третьих стран речь шла об экстремистах или же о демократах.

Конституирующая теория и само наличие третьих стран, во многом определяющих судьбу самопровозглашенного государства, порождает еще одного также бинарного субъекта самопровозглашения. Речь идет о поддержке со стороны третьих стран на уровне правительства или отдельных граждан процессов самопровозглашения. Исходная бинарность здесь составляла пара: добровольцы (volunteer) – наемники (mercenary). Феномен добровольческих отрядов и групп поддержки широко известен на протяжении конца XIX – начала XX веков. Пожалуй, первым массовым примером добровольчества явилась англо-бурская война. Наибольшее же влияние на умы современников произвела Гражданская война в Испании, где добровольцы сражались в рядах обеих конфликтующих сторон.

Применительно к вопросу самопровозглашения, бинарность данного субъекта задавалась уже не только конститутивной концепцией государственности, но и отказом от принципа равноправия государств и принципа невмешательства. Фундаментальным моментом здесь было участие третьих государств и их граждан вне и помимо устоявшейся системы международных отношений. Только когда внешнее участие есть участие непризнаваемое и добровольческое, и может быть поставлен вопрос о том: Че Геварра – доброволец, содействовавший обретению свободы кубинским народом или наемник, насильственным путем способствовавший приходу к власти антинародной диктатуры Кастро?

Принципиальным моментом в анализе данного субъекта будет то, что его бинарность также носит оценочный характер. Такие конституирующие признаки, как оплата участия в боевых действиях, нахождение в рядах

вооруженных сил правительства или повстанцев являются малоприменимыми к конкретному анализу, ибо любой доброволец должен на что-то жить и потому получает оплату в денежном или ином эквиваленте. И здесь начало XXI века порождает новую бинарность. Наемники однозначно выводятся из числа субъектов самопровозглашения за счет институализации этой отрасли. Появление частных военных кампаний завершило краткую эпопею отнесения наемников к числу субъектов самопровозглашения. Но это не означало, что теперь все граждане мира могут выступать субъектами самопровозглашения, способствовать ему, независимо от собственного гражданства. В современной западной политической науке все большее и большее употребление приобретает термин «foreign fighters» для обозначения тех сторонних сил, чья воля, в отличие от добровольцев, учитываться не будет.

Так, термин «foreign fighters» активно применяется для обозначения тех лиц, которые участвуют в сирийском конфликте на стороне сил, противостоящих правительственным войскам президента Б. Асада. Это не наемники, но и не добровольцы. Их участие в конфликте признается, но их позиция в вопросе самопровозглашения не учитывается, что исключает возможность декларативной постуляции государства и его последующего признания.

Подводя итог предпринятому анализу, мы видим три бинарные пары субъектов:

- мятежники (повстанцы) – революционеры (патриоты);
- экстермисты (ультраисты) – граждане (борцы за свободу);
- добровольцы - «foreign fighters».

В основе данной бинарности лежат оценочные критерии. Причем оценка дается со стороны власти, противостоящих ей сил и третьих стран. Это многообразие субъектов могло возникнуть только в ситуации доминирования конститутивной модели государственности и отказа от декларативной модели. Будем категоричны, вне конститутивной модели все это многообразие субъектов становится иллюзорным. Начало XXI века характеризуется резким падением престижа международных организаций и разрушением прежней системы международных отношений. В этих условиях конститутивность становится проблематичной, а характеристики субъектов самопровозглашения приобретают характер ярлыков, не отражая внутренней сути. Конститутивная теория государственности может вдохнуть обратную жизнь в субъектов самопровозглашения, наполнить их реальным смыслом только в условиях формирования устойчивой и справедливой системы международных отношений.

Список литературы

1. Арендт Х. О революции. М.: Европа, 2011. С. 41.
2. Беликов Ю., Крикунов А. Наемники и патриоты //Родина. 2011. № 6. С. 126-127.

3. Жарков А.В. Англо-Бурская война глазами русских добровольцев. //Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2008. №2. С. 280-286.
4. Коровиков А.В. Исламский экстремизм в арабских странах. М.: Политиздат, 1990. С. 7.
5. Минье Ф. История французской революции с 1789 по 1814 гг. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2006. Электронный режим доступа: http://www.e-reading.by/bookreader.php/1005497/Mine_-_Istoriya_Francuzskoy_revolyuicii_s_1789_po_1814_gg.html.
6. Миньяр-Белоручев К. Непризнанные государства в системе международных отношений: опыт Северной Америки //Власть. 2012. № 5. С. 166-169.
7. Наумов А.О. Иностранцы добровольцы армии Франко в гражданской войне в Испании (на примере Ирландской бригады) // Вестник Вятского государственного университета. 2011. № 2-1. С. 55-59.
8. Пивоваров Ю.С. Между казачеством и кнутом. К столетию русской конституции и русского парламента // Полис. 2006. №2. С. 9.
9. Повесть временных лет. Ч. 1. М-Л., Наука, 1950. С. 99. [Цит. по: Мавродин В.В. Народные восстания в Древней Руси XI-XIII вв. М.: Соцэкгиз, 1961. С. 42.]
- 10.Трояновская М.О. США и суверенные республики Нового Света (конец XVIII – первая четверть XIX века). //Новая и новейшая история. 2011. № 6. С. 48-66.
- 11.Эбзеева З.А. Уголовно-правовая характеристика наемничества // Современное право . 2012. № 5. С. 123-128.
- 12.Barret R. Foreign Fighters in Syria. NY: TSG, 2015.
- 13.Blain J. Twenty Years in Congress. Norwich, 1884-86.
- 14.Grinnell J. Men and Events of Forty Years. Boston, 1895.
- 15.Schmitt C. Glossarium: Aufzeichnungen der Jahre 1947 - 1951. Berlin, 1991. S. 19.
- 16.Webster D. Works. Boston.1851. P. 53.
- 17.Wilson H. History of the Rise and Fall of the Slave Power in America. NY. 1872-1877.